

УТВЕРЖДАЮ

Директор ФГБУН
«Институт российской истории
Российской академии наук»
доктор исторических наук

Ю.А. Петров

« 5 » ноября 2020 г.

О Т З Ы В

ведущей организации ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук» на диссертацию Тепкеева Владимира Толтаевича «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Проблемы истории калмыцкого народа и русско-калмыцких отношений, которые рассматриваются в диссертационном исследовании В.Т. Тепкеева, давно и подробно освещаются в историографии. Миграция части ойратских племен в Восточный Дешт-и Кипчак и Нижнее Поволжье, образование там Калмыцкого ханства и принятие калмыками российского подданства относятся к числу исторических сюжетов, которые традиционно привлекают внимание исследователей. По этому кругу проблем уже имеется обширная литература. Одним из последних по времени обобщающих трудов явилась трехтомная «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», в первом томе которой (Элиста, 2009) освещается период, рассматриваемый в диссертации В.Т. Тепкеева. Однако переосмысление событий XVII–XVIII вв. с точки зрения но-

вых концепций, а также привлечение новых источников заставляют ученых вновь и вновь возвращаться к событиям той эпохи.

Диссертант поставил задачу проследить вызревание предпосылок формирования калмыцкой государственности в Поволжье и постепенной интеграции народа в состав Российского государства. В ходе исследования убедительно анализируются как заинтересованность российского правительства в сохранении автономии у калмыков, так и долгий путь калмыцкой элиты к признанию и принятию российского подданства. Автор аргументировано показал, что принципиальным рубежом в согласии Москвы на образование ханства и на распространение зоны калмыцких кочевий на правобережье Волги была потребность в военной силе кочевой конницы для противостояния Крымскому ханству и Речи Посполитой.

Исследование В.Т. Тепкеева базируется на надежном фундаменте архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Особо следует отметить самое раннее письменное свидетельство русско-калмыцких отношений – послание тайши Лоузана царю Михаилу 1642 г., исполненное старомонгольским письмом. Оно давно известно историкам, но долгое время оставалось не переведенным. (Интересно, что приведенное в нем калмыцкое изречение «Если держать мир, то волосы белеют, а если держать железо, то кости белеют», но в тюркском варианте, приведено в грамоте сибирско-татарского царевича Кучука тобольским воеводам 1664 г.)

При описании постепенного обживания кочевниками-ойратами новых территорий к западу от Джунгарии в XVII в. диссертант внимательно отслеживает перемещения различных племенных группировок и политику их предводителей-тайшей. При этом постоянно приходится обращаться к сложной проблеме отношений этих мигрантов с окрестны-

ми народами – теме, которая в советской историографии освещалась очень скупо. В частности, приводится малоизвестный факт частичного вытеснения калмыками казаков с Яика, которые были вынуждены переселиться на Волгу и на Дон. В целом вопросы взаимоотношений калмыков и казаков (особенно донских) занимают значительное место в работе, что также выделяет ее, поскольку обычно в исследованиях характеризуются связи тайшей со столичными и региональными российскими властями.

Важным фактором истории калмыков XVII–XVIII вв. были их сложные отношения с ногайцами. Как правило, эти отношения представляются в виде общей схемы вытеснения ойратами населения распавшейся Ногайской Орды за Волгу. В диссертации В.Т. Тепкеева показана неоднозначность той ситуации, когда многие ногайские мурзы не возражали против подчинения калмыцким тайшам и достигали соответствующих договоренностей (чему яростно противились астраханские воеводы).

Фактическое установление калмыцкой гегемонии в Заволжье в 1630-х гг. показано автором в драматической обстановке падения престижа Московского государства, его поражения в Смоленской войне, локальных военных и дипломатических неудач властей Астрахани, которая неоднократно подвергалась угрозе нападения со стороны калмыков. В диссертации наглядно отображена картина чрезвычайного военного напряжения в Нижнем Поволжье в первой половине XVII в., когда, казалось, противоречия между калмыками, ногайцами и русскими вот-вот приведут к полномасштабной войне.

Начав с описания появления ойратов на границах русской Сибири, В.Т. Тепкеев возражает распространенной точке зрения, будто переговоры с российскими властями в 1608–1609 гг. стали первым шагом к вхож-

дению калмыков в состав Московского государства. На самом деле, считает диссертант, это было лишь самое начало установления русско-калмыцких отношений – и в дальнейшем доказательно обосновывает это свое понимание ситуации. Заслуживает внимания его предположение о возможной оценке тайшами внутреннего положения России, охваченной Смутой (что находит аналогии в тогдашней ситуации с народами Северо-Западной Сибири, которые выжидали, чем закончится междуцарствие). Не случайно череда шертований (и не только калмыцких) началась после 1613 г., когда политическая обстановка в государстве относительно стабилизировалась.

В.Т. Тепкеев приводит данные о письменных шертях, данных калмыками в 1631 и 1649 гг., опровергая тем самым распространенное в историографии мнение о том, что первой письменной договорной записью была шерть 1655 г. В то же время он присоединяется к точке зрения некоторых историков о расценивании ее калмыками как «соглашения между союзниками о мире и военном сотрудничестве».

Авторская концепция постепенного, довольно растянутого во времени процесса вхождения калмыков в состав Российского государства представляется наиболее адекватной исторической ситуации XVII века. Она подтверждается обширным фактическим материалом – как приведенным в диссертации, так и оставшимся вне ее. Изменение статуса калмыцких владений по отношению к Москве иллюстрируется многими аспектами: вариациями в ассортименте и размерах государева жалованья тайшам (здесь автору, кроме использованных им источников, могли бы помочь обширные материалы из фонда 396 «Архив Оружейной палаты» РГАДА), церемониальным сопровождением инвеституры калмыцких правителей (вручение Мончаку булавы и знамени – явно по аналогии с введением в должность украинских гетманов, недавно признавших сю-

зеренитет царя), компетенцией центральных ведомств, отвечавших за отношения с волжскими кочевниками (создание Калмыцкого приказа в составе приказа Посольского) и т.д.

Начало существования Калмыцкого ханства диссертант склонен отсчитывать с 1647 г., когда тайша Дайчин был признан в качестве хана большинством ойратских аристократов и духовенства. Однако официальное признание калмыцкого правителя ханом со стороны российского правительства последовало только через полвека, в «Договорных статьях» 1697 г.

Особое внимание в работе уделено правлению тайши и затем хана Аюки. Впервые детально рассматривается заключенная им шертъ 1673 г. Ее можно считать определенной вехой в истории не только русско-калмыцких отношений, но и правительственной этнической политики в целом, т.к., в отличие от прошлых шертных соглашений с взаимными обязательствами, теперь перечислялись обязанности почти исключительно калмыцкой стороны (русская сторона лишь гарантировала исправную выплату жалованья и выдачу беглых улусников).

Историки обоснованно считают период ханствования Аюки апогеем могущества и международного авторитета Калмыцкого ханства. В.Т. Тепкеев в целом подтверждает такую оценку, описывая умелую внешнюю политику лидера калмыков, его стремление к максимальной автономии при номинальном российском подданстве, его отношение к протестным движениям в Московском государстве, борьбу с башкирскими и казацкими восстаниями. Важным, даже поворотным фактором в формировании своеобразного положения Аюки по отношению к его русским сюзеренам диссертант резонно считает женитьбу будущего хана на высокородной представительнице княжеского рода Черкасских, что тради-

ционно знаменовало скрепление взаимных обязательств – в данном случае московской и калмыцкой сторон.

Правление Аюки пришлось на время радикальных петровских реформ, и в диссертации показано, что калмыкам тоже нашлось место в грандиозном процессе модернизации России. Калмыцкая знать была инициатором образования особой Астраханской губернии, а кавалерия калмыков стала одним из первых иррегулярных формирований реформированной армии Российской империи.

В качестве пожеланий, замечаний и уточнений можно высказать следующие положения.

1. В источниковедческом разделе следовало бы дать характеристику посольским книгам по связям России с Калмыцким ханством как важному виду источников, а не ограничиваться указанием на отдельные ценные документы в них и экскурсом в историю письменности у ойратов.

2. В историографическом разделе неясна цель характеристики выдающегося труда В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты». Дается комплиментарная оценка книги, в которой история калмыков и их связей в Россией практически не затрагивается.

3. В диссертации почти не рассматривается роль буддийской церкви в становлении и оформлении калмыцкой государственности. В частности, известно, что восшествие на ханский трон в глазах калмыков оказывалось легитимным, если оно не только утверждалось императорским указом, но имело и другое важнейшее основание – инвеституру от Далай-ламы. Вместе с грамотой о присвоении ханского звания и тронного имени из Лхасы в Калмыцкую степь привозили новую печать. Обычно считается, что это началось с интронизации Аюки в 1690 г., получивше-

го титул и печать от Далай-ламы VI (хотя есть мнение, что еще в 1650 г. Далай-лама V удостоил этим званием его деда Дайчина). Кроме того, при рассмотрении проблемы возвращения народа с Волги в Джунгарию (чему в работе уделено немало места) следовало бы указать на постоянную пропаганду этого исхода со стороны высших тибетских духовных иерархов. Вообще связей с Тибетом диссертант касается очень лаконично.

4. При изложении событий XVII–XVIII вв. не принято переводить даты событий в «новый стиль» (если только это не повод для отмечания какого-то юбилея); тем более что диссертант производит такую переработку не повсеместно.

5. Утверждение автора, будто «в историографии нет достоверного источника, где встречались бы сведения о возможном визите Петра I в ханскую ставку» Аюки (стр. 450), неточно. Такие сведения имеются в придворной хронике Персидского похода Петра – «Походном журнале 1722 года» (издание: СПб., 1855).

Перечисленные незначительные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации В.Т. Тепкеева. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. В.Т. Тепкееву удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора. Автореферат полностью соответствует ее содержанию.

Полагаем, что В.Т. Тепкеев заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН 3 ноября 2020 г., протокол № 7.

Главный научный сотрудник
ФГБУН «Институт российской истории
Российской академии наук»,
руководитель Центра истории народов
России и межэтнических отношений
доктор исторических наук

Трепавлов Вадим Винцерович

5 ноября 2020 г.

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт российской
истории Российской академии наук
адрес: 117292 г. Москва, ул. Дмитрия
Ульянова, 19
тел.: +7 499 126 94 66
адрес электронной почты: iriran@mail.ru
адрес официального сайта: www.iriran.ru

